

УДК 811.161.1+ 81'42

**ИЗМЕНЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «ИСПОВЕДЬ»
КАК РЕЗУЛЬТАТ МАНИПУЛЯЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ***

© 2011 г.

Е.В. Мадалиева

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

madalieva@inbox.ru

Поступила в редакцию 28.02.2011

Проанализировано изменение содержания понятия «исповедь» в политическом дискурсе. Рассмотрено традиционное понимание исповеди как религиозного таинства и литературного жанра, показана трансформация понятия политическими деятелями в условиях глобализации. Проиллюстрировано обращение политиков к манипулятивным технологиям в рамках исповедального дискурса.

Ключевые слова: глобализация, манипулятивные технологии, политический дискурс, исповедь.

Глобализация – это процесс всевозрастающего воздействия на социальную действительность отдельных стран различных факторов международного значения: экономических и политических связей, культурного и информационного обмена и т.п. Этот феномен, проявивший себя на всех уровнях жизни человека, от экономики до искусства, от социальной жизни общества до повсеместной компьютеризации, не мог не повлиять на язык. Однако языковая составляющая глобализации до настоящего момента все еще недостаточно изучена.

Одной из наиболее ярких особенностей изменения функционирования языка является усиление его использования как средства идеологического воздействия, коммуникативной манипуляции правящих элит, применение языка как средства доминирования и социальной силы. Особенно это характерно для текстов политического дискурса. «В условиях глобализации манипулятивные воздействия политиков предстают основным способом борьбы за власть как внутри своей страны, так и на международной арене» [1]. Среди множества методов и приемов, используемых в системе политических технологий, языковому воздействию на массовое сознание отводится ведущая роль, хотя это и не всегда осознается.

В современной политической коммуникации писатели-политики все чаще обращаются к жанру исповеди. Понятие политической исповеди не соотносится с каноническим пониманием исповеди как религиозного таинства и литературного жанра, поэтому оно требует современного осмысления.

Исповедь изначально сформировалась в русле церковной традиции, входя в состав основополагающих религиозных таинств. О религиозных ее корнях свидетельствуют значения этого понятия, закрепившиеся в словарях. «Большой энциклопедический словарь» определяет *исповедь* (в одном из значений) как ‘обряд покаяния в грехах перед священником и получение от него отпущения грехов’ [2], «Словарь русского языка» С.И. Ожегова – как ‘признание в своих грехах перед священником, отпускающим грехи от имени церкви и Бога, церковное покаяние’ [3].

Исповедь как церковный обряд «обязательно включает в себя момент покаяния, что предполагает добровольное признание в совершенных неблагоприятных поступках, в ошибках, в грехах, которые заключаются в забвении норм и предписаний церковного вероучения» [4]. Но, что очень важно, исповедь не может быть сведена к простому перечню осознаваемых человеком пороков и совершенных проступков, требуется напряженная внутренняя работа «сокрушенного сердца». Кающийся должен «оторваться от суетных повседневных забот, сломить гордыню, сосредоточиться, взвесить, что наиболее тяготит совесть» [4].

В лексикографических источниках также зафиксировано еще одно значение понятия «ис-

* Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры “Инновационная Россия” на 2009–2013 гг.» (мероприятия 1.1. «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров»). Госконтракт от 30 ноября 2010 № 14.74010770.

поведь». В словаре С.И. Ожегова *исповедь* во втором значении – ‘откровенное признание в чем-нибудь, рассказ о своих сокровенных мыслях, взглядах’ [3]. В словаре Т.Ф. Ефремовой *исповедь* определяется как ‘откровенное признание кому-л. в чем-либо’ [5].

Анализ материалов Национального корпуса русского языка [6] показал, что в современной публицистике лексема *исповедь* употребляется в основном именно в значении искреннего, откровенного рассказа: *И это был такой вздох, протяжный и щемлящий, это была такая правда, что я обо всем забыл; это была исповедь и рассказ, было откровение обнажённого сердца, отравленного горечью и страданием* (И.А. Архипова, «Музыка жизни» [6]); *Вот с этих записей из дневников мне и хочется начать воспоминания, свою исповедь, свое покаяние, свое восхищение и разочарование всем, что сулила мне судьба...* (Владлен Давыдов, «Театр моей мечты» [6]); Ср.: *Фильм Шайера похож не на разоблачительно-проникновенную исповедь героя-любownika, а на бодрый репортаж из его постели* (Анна Федина, «Разукрасил пустоту» // Известия, 24.12.2007); *Это духовное освобождение от гнета, придавившего мою душу, своего рода исповедь о прожитом* (Лариса Марчук, «Белое солнце пустыни» превратится в «Багровый цвет снегопада» // Комсомольская правда, 19.12.2005).

Религиозная исповедь положила начало исповеди как литературному феномену. В литературоведении исповедью называется произведение, написанное от первого лица и наделенное хотя бы одной или несколькими из следующих черт: 1) в сюжете встречается много автобиографических мотивов, взятых из жизни самого писателя; 2) рассказчик часто представляет себя и свои поступки в негативном свете; 3) рассказчик подробно описывает свои мысли и чувства, занимаясь саморефлексией.

Политическая исповедь обладает характеристиками, свойственными литературной исповеди, однако приобретает особые черты, обусловленные особенностями политического дискурса в условиях глобализации. Словосочетание “политическая исповедь” является оксюмороном. Жанр политической исповеди, как и вообще политический дискурс, подразумевает активное использование манипулятивных технологий. Подлинная исповедь по сути заменяется имитацией, ритуальным покаянием. Автор лишь создает иллюзию того, что раскрывает интимные и сокровенные стороны своей личности, в действительности же перед нами предстает тща-

тельно продуманный образ политика, заботящегося о поддержании своего имиджа.

Политический исповедальный дискурс возникает на пересечении двух разнонаправленных интенций: с одной стороны, автор хочет озвучить мучающее его и тем самым от этого освободиться, а с другой – стремится закамуфлировать свою тайну. Поэтому в политической исповеди есть установка на искренность, откровенность; ее автор зачастую делает вид, что как бы теряет контроль над собой, когда речь заходит о каких-либо болезненных переживаниях прошлого (обычно детских или юношеских), демонстрируя эмоциональное отношение к пережитому: *Мы жили бедно. Например, мороженое мне покупали только после лечения зубов. До семи лет мы жили в Сочи. По особым случаям ходили на пляж Ривьера, где, отстояв огромную очередь (в “совке” всегда за всем выстраивались очереди), покупали кофе с молоком и пончик – засахаренный на прогорком масле и посыпанный сахарной пудрой кусок теста. Одежду мама всю жизнь покупала мне на вырост, ботинки – на один-два размера больше* (Борис Немцов, «Исповедь бунтаря» [6]); *Но жить ни лучше, ни веселее не получалось. Все те же мерзлые антрекоты из заводской столовой в холодильнике, все те же единственные зимние сапоги преклонного возраста в прихожей* (Ирина Хакамада, «SEX в большой политике» [6]).

Политики стремятся озвучить неприятные моменты своей биографии, признать свои ошибки и поражения: *Очевидно, что в 2003 году мы допустили ряд серьезных, роковых ошибок* (Борис Немцов, «Исповедь бунтаря»). Посредством этого осуществляется отрицательная оценка негативных и вызывающих субъективное неодобрение поступков и составляющих личности политика. К лингвистическим средствам, помогающим реализовать проекцию обозначенной оценки, относятся следующие маркеры:

а) прилагательные с отрицательной оценкой (*скандальный, раздраженный, провальный, непристойный, нелепый, безобразный, некрасивый, неприятный*);

б) существительные с отрицательной коннотацией (*слабость, страсть, идиотизм, угнетённость*);

в) лексемы со значением «стыд» (*к моему стыду, позор, срам*).

Однако зачастую, говоря о своих промахах, политики одновременно стремятся найти и оправдание для своих поступков: *Я был женат три раза. С точки зрения выстраивания поли-*

тического имиджа это неправильно, но сердцу и телу не прикажешь. Я очень люблю всех своих детей и хорошо отношусь ко всем своим женам. Все дети, которые от меня родились, родились в любви (Борис Немцов, «Исповедь бунтаря»); Десять лет спустя одна из газет писала: «...читая откровения Ирины Хакамады о создании РТСБ, невольно вспоминаешь историю Мавроди, владельцев банка “Чара” и некоторых других аферистов, сколотивших миллиардные состояния в короткий срок и едва ли не из воздуха”. Да, блефовали мы направо и налево. Но, в отличие от Мавроди и Францевой, наша истинная цель совпала с заявленной: мы действительно хотели создать первую в стране легальную биржу цивилизованного образца, с помощью которой не только мы, но и наши акционеры будут зарабатывать реальные деньги. И мы ее создали! (Ирина Хакамада, «SEX в большой политике» [6]).

Как уже было сказано, задача, характерная для произведения исповедально-политического плана – дать выход всем внутренним чувствам, выразить и раскрыть что-то интимно-личное, но в то же время не открыть все до конца, обнаружить не все, показывая, скрывать.

Чтобы создать семантическую неопределенность, политики активно используют эвфемизмы (*неполная занятость*, под которой понимается *безработица*; *скудность культурно-бытового обеспечения*, которая камуфлирует прототип *неустроенный быт*) и дисфемизмы (*провал вместо неудавшаяся операция*; *разваливаться вместо нейтрального ухудшаться*).

Подлинные мотивы, которые заставляют политиков обращаться к жанру исповеди, эксплицитно представлены в исповедально-автобиографической книге Ирины Хакамады «Sex в большой политике»: *Публичное покаяние у нас вообще приветствуется. Поднимись на помо- сть, поклонись в пояс: “Простите меня, люди добрые!” – и они простят. Во-первых, потому что добрые. Во-вторых, отчего же не простить чужие личные грехи и слабости? Чув-*

ствуешь себя немножко Богом. Это льстит. Особенно лестно, когда простить просит не дядя Вася из соседнего подъезда, а один из тех, кто болтается там, наверху. Значит, он, как и ты, грешен и слаб. Это сближает. Тем более сегодня в России гласность от долгого воздержания перепутали с нравственностью. Не тот честен, кто не ворует, а тот честен, кто не скрывает. Признайся, и тебе поверят. Признайся, и за тебя проголосуют, как за порядочного человека. Не в чем признаваться? Не обес- судь, будем подозревать во всем. Поэтому нашим политикам рекомендуется время от времени в чем-нибудь признаваться. Для сохранения доверительных отношений с массами.

Таким образом, становится очевидно, что российские политики используют исповедаль- ный дискурс из прагматических соображений. Понятие *исповедь* – приобретает еще один новый оттенок значения – ‘речевой жанр манипулятивного характера, составляющая определен- ного дискурса’ (в данном случае политического). Политики, используя речевое воздействие, ма- нипулируют особенностями русской ментально- сти, культурными и религиозными ценностями.

Список литературы

1. Большеева Н.Н. Языковая манипуляция национальным мышлением в условиях глобализации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rusnauka.com/.../bolsheeva%20n.n.doc.htm.
2. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.–СПб.: Изд-во «Большая Российская Энциклопедия – Норинт», 2000.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. 917 с.
4. Александров Н.Д., Мониин М.П. Антиномии «Исповеди» // Литературное обозрение. 1993. № 3–4. С. 102–106.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 1233 с.
6. Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscopra.ru>

TRANSFORMATION OF THE TERM «CONFESSION» AS THE RESULT OF MANIPULATION TECHNOLOGIES IN THE AGE OF GLOBALIZATION

E.V. Madalievа

Transformation of the content of the concept «confession» in political discourse is considered. The traditional understanding of confession as a religious sacrament and a literary genre is discussed. The transformation of the term by statesmen in the context of globalization is illustrated by their use of manipulative technologies in the framework of a confessional discourse.

Keywords: globalization, manipulative technologies, political discourse, confession.